

А.М. Пастухов

Москва

Маньчжурская администрация в землях Нингуты и вассальных владениях в Приамурье (1610–1660)

Земли Нингуты 寧古塔, на которые совершали свои походы все маньчжурские правители начиная с Нурхаци 努爾哈赤 (1559–1626), имели важное значение для развития молодого Маньчжурского государства. С самого начала они служили плацдармом экспансии в северном и северо-восточном направлениях, для чего маньчжурами в Нингуте создавались соответствующие органы управления. Несмотря на актуальность данной темы для правильного понимания обстановки в Приамурье накануне прихода туда русских землепроходцев, она не стала пока предметом специального исследования. В этой статье автор постарается отчасти восполнить этот пробел и рассмотрит данный вопрос на основе имеющихся в его распоряжении источников. Для удобства изложения материала можно разделить ранний период развития системы управления землями Нингуты на три периода:

- 1) 1610–1633 гг. – период управления через систему *ниру* с местными князьями во главе;
- 2) 1633–1652 гг. – период подчинения земель Нингуты Мукденскому *амбань-чжаньгуню*;
- 3) 1653–1660 гг. – учреждение должности нингутинского *амбань-чжаньгуня* и создание системы военной администрации земель Нингуты.

Временные рамки данной статьи определены таким образом, чтобы охватить развитие административной системы с самого первого упоминания о подчинении земель Нингуты Маньчжурскому государству и довести повествование до вступления в должность второго нингутинского *амбань-чжаньгуня*. Подобная периодизация, с одной стороны, наиболее полно показывает развитие процесса совершенствования и оптимизации системы управления вассальными княжествами к северу и

югу от Амура в условиях перманентной войны, ведущейся основными силами маньчжуров на китайском фронте, а с другой – позволяет поставить перед исследователями ряд частных задач, которые могут пролить свет на частности функционирования аппарата военной администрации Нингуты.

Период первый – от Сэнгэ до Убахая

Местный правитель из племени *воцзи*¹ Сэнгэ признал свою зависимость от Нурхацы еще в 1610 г. Он присоединился (*гуйшунь* 歸順)² к маньчжурам с 300 семей своих подданных. Г.В. Мелихов указывает, что в дальнейшем ко двору императора Хуантайцзи 黃太極 (1599–1644) неоднократно (в 1633, 1635 и 1639 гг.) приезжал некий Сэнгэ «с востока», относимый хронистами уже к племени *шицюань* и называемый правителем селения Гайцин [15, с. 79].

Однако проживавшие восточнее Сунгари племена *шицюань* в этническом и культурном отношении резко отличаются от племен *воцзи*, проживавших в бассейне р. Хурха-бира, а более чем 20-летний перерыв в отношениях между Сэнгэ и маньчжурским правительством наводит на мысль о том, что в ранних маньчжурских хрониках упоминаются два разных персонажа с именем санскритского происхождения³.

Первый правитель Маньчжурского государства, Нурхаца, проводил гибкую политику в отношении соседних племен. Очень часто он жаловал своих сторонников феодальными титулами, оставляя их во главе тех же людей, которых они возглавляли до присоединения к маньчжурам, образуя из них новые военно-административные единицы – *нифу* (奴 府; см. [11, с. 74]). По всей видимости, случай с правителем *воцзи* по имени Сэнгэ относится к созданию именно такого вассального владения. Представляется, что люди Сэнгэ не были принуждены покинуть свои насиженные места и остались проживать в местах своего прежнего обитания. Косвенно это предположение подкрепляется наставлением Хуантайцзи военачальникам Сарцзю, Иньту, Нартая и Ситу, отправленным в сентябре 1639 г. в поход на племя *курка*: «Внесите в списки тех, кто примкнул к нам, требуя от них уплаты дани мехами каланов; еще следует наставлять их, чтобы они отказались от зла и перешли на путь добра и стали благонадежными [людьми]» (см. [15, с. 56]). При этом отмечалось, что «примкнувших прежде (т.е. до 1639 г. – *А.П.*) и сдавшихся, плативших дань 149 человек *курка*, а также вновь захваченных 292 человека – всех оставить в селении Яньчжу». Таким образом, присоединившиеся к маньчжурам добровольно могли быть оставлены в местах своего прежнего проживания при условии выплаты определенных налогов в пользу Маньчжурского государства. Судя по упоминаниям в наставлении Хуантайцзи списков податного населения (*баньту* 版圖) и «наставлений», подобные акты присоединения и до 1639 г. сопровождались учреждением лояльной к маньчжурам администрации. Это дает основания предполагать, что начало развития административной структуры «земель Нингуты» можно отнести к 1610 г., когда

местный князь Сэнгэ перешел на сторону Нурхаци. Однако упорядочение управления Нингутой и введение четкой структуры управления связано с деятельностью полководца Убахай-батуру, который упоминается в связи с Нингутой в описаниях событий 1633–1636 гг.

Период второй – северные и восточные походы Убахая и учреждение должности *мэйрэн-чжаньгиня* Нингуты

В 1629 г., по мнению Г.В. Мелихова, название «Нингута» в хрониках относится уже к наименованию конкретного населенного пункта, использовавшегося маньчжурами для организации походов на север и восток современного Дунбэя (см. [15, с. 55–56]). Так, летом 1635 г. полководцы Убахай-батуру и Цзингурдай, осуществлявшие походы на племена, живущие в бассейне р. Хурха-бира и к востоку от нее, прислали из Нингуты гонца с вестью об одержанной победе. В ноябре 1635 г. из Нингуты на племя *варка* 瓦爾克 выступил очередной маньчжурский отряд. Поход вновь оказался успешным, и полководец Убахай-батуру, выполнявший роль командующего походами против северо-восточных племен, был пожалован за него чином *мэйрэн-чжаньгиня*⁴. Вскоре после этого Убахай-батуру был назначен в «пограничный город Нингуту». По всей видимости, данный акт всего лишь юридически оформил сложившийся с 1633 г.⁵ status quo, поскольку уже весной 1635 г. маньчжурские войска использовали Нингуту в качестве своей базы при походе на племя *варка* (см. [там же, с. 56]). Согласно данным «Шэнцзин тунчжи» (聖京通志, изд. 1684 г.), для укрепления позиций Маньчжурского государства в регионе Убахай-батуру развернул здесь активное строительство, возведя на южном берегу р. Хайлар-бира (кит. Хайланьхэ 海蘭河) каменную крепость со стеной в 600 *ли* (ок. 600 м) и высотой в 1 *чжан* (3,2 м). Эта крепость располагалась несколько ниже той Нингуты, которая будет отстроена в 1650-е годы усилиями *амбань-чжаньгиня* 按班章京 Шарходы 沙爾虎達 (1599–1659).

Говоря о деятельности Убахай-батуру, можно утверждать, что с ней связано лишь установление прочного военного контроля за вновь присоединенными землями, а также введение основ регулярного налогообложения покоренного населения. По мнению Ян Биня, в это время система управления вассальными княжествами, контролируемые из Нингуты, напоминала ханьскую систему *цзими* 羈縻⁶. Точнее о сути системы управления Нингутой и вассальными землями при Убахай-батуру и его преемниках сказать невозможно из-за отсутствия данных, однако существуют по меньшей мере две попытки заполнить этот пробел для периода 1636–1653 гг. на основании упоминания в «Тайцзун шилу» (太宗實錄) в связи с событиями 1639 г. фразы *бин цзян лю шоу* 兵將留守, – китайские историки Цзи Пин и Юй Шэнью трактуют ее как свидетельство наличия в бассейне Нижней Зеи развитой системы цинской администрации. Неправомомерность подобной трактовки текста источника как с точки зрения языка, так и с точки зрения исторических реалий убедительно доказал в своей статье Г.В. Мелихов (см. [16]): недопустимо считать упоминание

о воинах и командирах, оставленных для охраны трех селений, захваченных в ходе войны маньчжуров с коалицией среднеамурских племен, описанием постоянной администрации территорий, находящихся в прямом управлении империи.

С 1636 по 1653 г. в Нингуге находился цинский наместник в должности *мэйрэн-чжаньгиня*, но до 1651 г. его имя остается неизвестным. Краткое упоминание о награждении в августе 1645 г. командиров гарнизонов Нингуты, Сюньяо и Фэнхуана не содержит упоминаний имен этих офицеров. Однако для данного периода существует ценное упоминание Ян Биня, что до 1653 г. Нингуга подчинялась *амбань-чжаньгиню* Мукдена, в котором, после ухода маньчжурских войск в Китай, оставался гарнизон численностью всего в 774 человека (см. [15, с. 85]). Некоторые дополнительные сведения о цинской администрации на землях Нингуты содержатся в документах, составленных уже русскими землепроходцами из отрядов Пояркова, Хабарова и Степанова.

Зимой 1651 г. *мэйрэн-чжаньгинем* Нингуты являлся Хайсэ (海色). Именно к нему обратились за помощью представители племени *учжала* (*ачаны* русских источников), потерпевшие поражение в первом сражении за Ачанский острог, произошедшем 8 октября 1651 г. Судя по сведениям, сообщенным Хабарову китайским пленником Кабышейкой, у *мэйрэн-чжаньгиня* Хайсэ⁷ имелось два помощника – Иведака-мафа и Тамфи-мафа (см. [4, док. № 61, с. 136]). Их титулы, включающие слово *мафа* (ман. «старик», «старейшина»), позволяют предположить, что эти люди являлись местными старейшинами, включенными в административную структуру Цинской империи, однако Кабышейка упоминает, что «де седят в том Нюлгуцком городе, посланы от царя богдойского посаженника от Учурды» (см. [там же]). В имени «царя богдойского посаженника» Учурды легко угадывается искаженное при копировании в XVIII в.⁸ маньчжурское слово *ухэри-да*, часто используемое для обозначения высокопоставленных офицеров (соответствует примерно полковнику и выше)⁹. Кажущееся противоречие между титулами помощников и указание на факт назначения их наместниками цинского императора легко объясняется фактом пожалования местным старейшинам и князьям цинских титулов и званий – так, например, нижнезейский князь Толга, упоминаемый в отписках Хабарова и известной челобитной Стеньки Полякова, имел инвеституру от цинского императора: «А тот Толга был державец всей Даурской земле, а держание ево было дано ему, Толге, от богдойсково царя кабы что воевода» [3, с. 36].

Следует особо отметить, что расположение Толгина городка практически совпадает с расположением городка нижнезейского князя Балдачи, бывшего зятем императора Хуантайцзи и, соответственно, имевшего маньчжурский титул *эфу* 額駙. Последние упоминания о Балдачи содержатся в отписке В.Д. Пояркова, описывающей события 1643–1646 гг. В дальнейшем имя Балдачи не упоминается, но в том же регионе упоминается другой князь – Толга, также имевший инвеституру от маньчжурского

императора. Таким образом, Иведака-мафа и Тамфи-мафа могли являться местными старейшинами, утвержденными в должностях маньчжурским императором и назначенными наместником Мукдена помощниками *мэйрэн-чжаньгиня* Хайсэ¹⁰.

Помимо упоминаемых в отписке Хабарова князя Исинея, старейшин Иведака-мафа и Тамфи-мафа, следует упомянуть и *ниру-чжаньгиня* 牛录章京 Сифу, который возглавил отряд, выступивший из Нингуты на помощь *дючерам* и *ачанам*. Кроме Сифу в этой войске были и другие военачальники, которые упомянуты просто как «прочие» (等).

Из этого можно сделать вывод, что еще до 1653 г. в Нингуте существовала цинская военная администрация, состоявшая из *мэйрэн-чжаньгиня* Хайсэ, двух его помощников, Иведака-мафа и Тамфи-мафа, назначенных наместником Мукдена, и ряда военачальников, возглавлявших местные низовые военно-административные единицы – *ниру* – Сифу и др.

В круг обязанностей этой администрации, по всей видимости, входили следующие функции:

- 1) охрана подвластной территории и поддержание порядка, устраивавшего Цинов;
- 2) сбор ясака на подвластной территории;
- 3) коммуникация периферии с центром, включая прием посольств от вассальных князей;
- 4) организация сельскохозяйственных работ.

Основой для этих выводов служат сведения, сообщаемые В.Д. Поярковым: «А которые Даурские люди тому хану (маньчжурскому Богдо-хану. – А.П.) ясаку не дают и с ним не торгуют, и он де посылает к ним на Зию и на Шилку реку своих людей и воюет годом подвожды и потрожды, а приходит людно, тысячи по две и по три...» [1, т. III, с. 51] и Е.П. Хабарова: «Даем мы ясак Богдойскому царю Шамшакану, а вам де се какой ясак у нас, как де мы бросим последним своим робенком, дитяем то де мы вам с себя ясак дадим» [там же, с. 360].

Пленные дауры из владения князя Гуйгудара сообщили Хабарову, что «живут де у нас Богдоевы люди по пятидесят человек безпрестани для ясаку и с товары; до иных людей своих до перемены» [там же, с. 361]. Таким образом, имеется подтверждение тому, что маньчжуры не только принимали посольства вассалов в Нингуте, но маньчжурские сборщики ясака объезжали подвластные империи города, собирая ясак, – об этом говорится всего несколькими строками ниже в той же самой отписке Хабарова¹¹. Зять Балдачи, князь Туронча, будучи поставлен казаками в безвыходное положение, также попробовал лавировать, заявив: «за ясак де нам что стоять, лише бы де было постоянно, мы де ясак дадим, ноне че де у нас соболей нет, были де у нас Богдоевы люди, и ясак де дали Богдоевым людям» [там же, с. 362]. О сборе ясака с местного населения маньчжурскими сборщиками свидетельствует в 1652 г. и енисейский воевода А. Пашков: «[...] острогу для твоего государева ясачново збору за рекою Шилкою в области Китайского государства. И подданные ево

живут де в тех землях не воинские люди, мужики торговые и рукодельные люди, и всяких дорогих узорочных товаров у них много, и хлебные де, государь, пашни пашут большие, и твоево де, государь, царского величества добре страшны и опасны, и за рекою Шилкою збирают на тебя, государя, ясак с тех же людей, которые дают с себя ясак китайскому царю и поданным ево. И Китайского де и Богдойского государства ясачные зборщики с ними, служилыми, сходятца и тем твоим государевым людям никакие обиды не чинят» [4, док. № 65, с. 141–142].

О функции коммуникации с центром также свидетельствует Кабышейка: «И князь Исинеи с товарищи об том описывал в Надымны город к царю Учурве, и посылали с отписками богдойского служилого человека, и ходил де месяц наскоре» [там же, док. № 61, с. 136]. Кроме того, Кабышейка приводит ряд интересных сведений о маршрутах через южную часть Маньчжурии, а также о взаимном расположении городов Южной Маньчжурии. Он же сообщает, что в окрестностях города Мавген (Мукден?) проживают насильно переселенные дауры и тунгусы. Они, по всей видимости, являлись государственными рабами и выполняли сельскохозяйственные работы в пользу государства: «А около де того города живут Мовгена сведенцы даурские люди и тунгусы. И те мужики хлеб пашут на царя Шамшакана и овощи водят» [там же, с. 137]. Слова Пашкова о «мужиках торговых и рукодельных людях» и «пашнях больших» также свидетельствуют о том, что местное население участвовало как в сельскохозяйственном производстве, так и в производстве товаров (скорее всего, исключительно для нужд местного рынка). Учитывая существование в империи Цин системы государственного контроля за производством ремесленных изделий и торговли, а также включение мастеров в списки *ниру*, можно считать, что администрация Нингуты попутно выполняла функции контроля за ремесленным производством и торговлей с вассальными владениями.

В результате поражения под Ачанским острогом в битве 24 марта 1652 г. администрация Нингуты была отстранена от дел: «Нингутаский *чжаньгинь* Хайсэ послал командира *ниру* Сифу и других с войсками походом на Хэйлунцзян. Произошло сражение, но мы потерпели поражение. Хайсэ был наказан, а Сифу – отстранен от должности и получил 100 ударов плетью, но они все же были оставлены в Нингуте» [15, с. 100]. Так закончился второй период развития системы управления землями Нингуты и прочими вассальными владениями.

Период третий – деятельность Шарходы и учреждение должности нингутинского *амбань-чжаньгиня*

На смену попавшему в опалу Хайсэ в августе 1652 г. в Нингуту прислали уроженца сунгарийского селения Нельба 泥爾伯 Шарходу из рода Гуарча 瓜尔佳 *аймака* Суань 苏完, пожалованного титулом Бэйхай-ван 北海王. С ним прибыли два его заместителя – Нихали 尼哈里 и

Хайта 海塔. Его деятельность в Нингуте очень кратко отражена на страницах «Цин ши гао» (см. [9])¹²:

«Девятый год [Шуньчжи] (1652), 7-й месяц. Назначен командовать гарнизоном Нингуты.

Десятый год [Шуньчжи] (1653). Был продвинул на пост *гуса-эдэна* 固山額真¹³. Продолжал оборонять стратегически важные районы. Пожалован платьем, головным убором и оседланным конем.

Пятнадцатый год [Шуньчжи] (1658), 7-й месяц. Русские (俄罗斯) грабили границы, Шархода напал [на них и] обратил в бегство¹⁴. Во многих местах брал пленных [и отрезал у них левое ухо]¹⁵.

Шестнадцатый год [Шуньчжи] (1659). Скончался¹⁶. [Удостоен] посмертного титула Сянчжуан 襄壯¹⁷. Ему наследовал его сын Бахай 巴海».

По сведениям, опубликованным Гиринским университетом, в 1653 г. была учреждена Нингутинская *ниру* в составе 430 человек маньчжурских воинов и 8 офицеров в чине *сяо цисяо* 驍騎校¹⁸. Одновременно Шархода занялся упорядочением хозяйственной деятельности во вверенном ему районе – умиротворив бассейн р. Миндашэн-ула 名打牲烏拉 (совр. Юнцзисянь-ула 永吉縣烏拉), он разбил население на десятидворки, в которых пять человек должны были охотиться, а пять – заниматься земледелием.

Следует также упомянуть еще об одной возможной функции администрации Нингуты – надзор за ссыльными. По мнению Г.В. Мелихова, до 1655 г. в Нингуте не было китайских ссыльных (см. [15, с. 88]). Однако уже 24 марта 1652 г. казаки Хабарова захватили в плен китайца Кабышейку, находившегося в составе маньчжурского отряда. Кроме того, есть указание, что после того, как Хайсэ и Сифу были разжалованы, их оставили в Нингуте. Это событие также относится к лету 1652 г. Таким образом, можно утверждать, что уже в начале 1650-х годов в Нингуте были как китайские, так и маньчжурские ссыльные. Оставлять их без присмотра было невозможно, поэтому администрация Нингуты должна была каким-то образом контролировать их пребывание в городе.

Скудные сведения об административном устройстве земель Нингуты могут быть существенно дополнены при вводе в научный оборот новых документов. Так, дневник корейского военачальника Син Нью 申瀏 (1619–1680), участвовавшего в походе против казаков Степанова в 1658 г., позволяет уточнить некоторые подробности относительно управления землями Нингуты при Шарходе.

Во время похода корейского отряда против казаков Син Нью вел обстоятельные записки, в которых упомянул наличие крепости, складов продовольствия и *ямэня* 衙門 в Нингуте, дал краткое описание города и его окрестностей, а также сообщил о наличии относительно развитого административного аппарата, подчинявшегося *амбань-чжаньгиню* Шарходе.

В составе цинской администрации Син Нью упомянул следующих чиновников (имена называются при их наличии в том виде, в каком их привел Син Нью):

• старший *тунгуань* 大通官¹⁹ Цзинь Дайсянь 金大憲 и его заместитель 次通官 Инь Шоу 尹守, старший *тунгуань* Ли Мэнсянь 李夢先 и его заместитель Ли Цижун 李起榮, а также их свита и еще группа *тунгуаней*

- комендант крепости
- заместитель начальника гарнизона
- 8 знаменных офицеров 高山 – по всей видимости, *сяоцисяо*.
- *фуцзян* 副將 из Нингуты (?)²⁰
- *фу дутуны* Хэтгэ 害叱太 и Игари 離可里²¹
- *бошко* 甫十古/甫伊叱古 Эсама 艾士麻 и Чаджок 者赤, и другие
- *чайгуань* 差官²² Атхангэ 丫湯介
- два чиновника в чине *шоучэньцзян* 守城將

Таким образом, в результате целенаправленной и энергичной деятельности *амбань-чжаньгиня* Шарходы система цинской администрации в Нингуте по состоянию на 1658 г. представляется следующей:

- во главе структуры стоит *амбань-чжаньгинь* Шархода²³, обладающий всей полнотой исполнительной и судебной власти в регионе;
- его непосредственными помощниками являются два *мэйрэн-чжаньгиня* – Нигэли и Хайта, которые исполняют поручения начальника (организация и проведение военных походов);
- группа чиновников-*тунгуаней* выполняет различные поручения *амбань-чжаньгиня*, не являясь представителями каких-либо конкретных ведомств²⁴;
- военные чиновники, отвечавшие за состояние крепости, ее подготовку к обороне, хранящиеся на складах оружие и продовольствие, подчинялись *амбань-чжаньгиню* и, по всей видимости, в случае отсутствия *амбань-чжаньгиня* в Нингуте входили в подчинение *мэйрэн-чжаньгиням*;
- региональными территориальными военными формированиями командуют *бошко* (сотники);
- десятидворки управлялись старшинами-*чжуанда*, не имевшими места в чиновной иерархии империи.

Степень упорядоченности администрации на местах вне пределов окрестностей Нингуты сложно оценить за недостаточностью информации. На данный момент представляется, что большая часть поселков *дючеров* управлялась собственными старейшинами, действовавшими с одобрения *амбань-чжаньгиня*. Ян Бинь указывает, что «во всех этих трех местах (земли *хурха*, *хэйцзинь* и *фэйяка*. – А.П.) нет ни чиновников, ни старейшин, поставляемых от правительства для управления» (см. [15, с. 125]). Такая администрация может быть охарактеризована как военная, не имеющая структурированных подразделений²⁵, каждое из которых занималось бы делами в пределах своей компетенции. Практически все важные поручения исполнялись *тунгуанями*, а высшая власть принадлежала *амбань-чжаньгиню*. Это хорошо соотносится с недавним присоединением земель Северного и Южного Приамурья к Маньчжурскому государству²⁶, беспокойной обстановкой на границе и вовлеченностью основных

сил империи Цин в длительную войну в Китае. Надо признать, что первый нингутинский *амбань-чжаньгинь* Шархода оказался достойным соперником предприимчивых якутских воевод и своей энергичной деятельностью сумел не только добиться перелома в ходе военных действий, но и привести различными путями значительную часть населения Приамурья под прямой контроль цинских властей.

Деятельность Шарходы была высоко оценена после его смерти – император Канси (1661–1722) пожаловал его посмертным титулом Сянчжуан и издал указ: «Нингута является важнейшим местом на границе. *Амбань-чжаньгинь* Шархуда длительное время охранял здесь границу и расположил к себе все местное население. Ныне он заболел и умер. Его сын Бахай – человек острого ума и очень подходит для этой должности. Повелеваю послать его вместо отца для охраны Нингута, пожаловав чином *амбань-чжаньгиня*» [15, с. 89].

В результате деятельности Шарходы Нингута получила новую крепость с двойным частоколом, в которой размещался *ямэнь* и где проживали солдаты гарнизона²⁷. Окрестности города процветали. В качестве подтверждения этого целесообразно в заключение данной статьи привести обширную выдержку из дневника Син Нью о том, что он увидел и услышал в ходе экспедиции:

«Начальника варваров в Нингутае зовут Харходэ 下乙胡大²⁸. У него есть два заместителя. Одного зовут Игари 離可里, а второго – Хэтхэ 害叱太. Вид у начальника свирепый. Каждый год он поднимает войско и теряет в боях большую часть воинов, так что среди нингутинских варваров нет ни одного, кто не ненавидел бы его.

Население Нингута, проживающее как в самой крепости, так и за ее пределами, составляет примерно 1000 дворов²⁹, но дома большие, и по всему видно, что живут люди в достатке. Говорят, что ранее тут занимались только тем, что добывали женьшень, жемчуг и соболя для подношения дани, и только со времени вторжения вражеских кораблей в земли лесных варваров здесь появились латники.

В Нингутае нет заливных полей. Возделывают в большом количестве кунжут. Урожай бобов, гаоляна и проса чрезвычайно обилен. Прошлым летом не было ни одного дождя, но место такое удачное для земледелия, что можно сказать – очень плодородная земля!

Поглядеть на варваров из Нингута – пищу готовят очень опрятно, но когда едят, то обязательно разбавляют рис водой и добавляют в него рыбу, соевый соус, соль и все такое прочее. Так, смешав все, и едят. А у лесных варваров пищу готовят грязно – как собакам или свиньям. Едят, как собаки в конуре! Действительно, похожи на диких зверей! Даешь им рис и соевый соус – они кривят морду и срыгивают. Что и говорить – во всей Поднебесной не найдется того, кому бы их обычаи пришлись бы по вкусу! Все это – истинная правда» (см. [5, разд. «Увиденное и услышанное во время похода»]).

Родившийся в 1664 г. в Нингуте, У Наньжун приводит примерно ту же картину города, что и Син Нью:

«[Крепость] имеет двойной деревянный частокол. В начале правления августейшей династии [ее] заново перенесли на 60 с лишним *ли* от старой крепости (в 1636 г. – *А.П.*). Цитадель имеет окружность примерно 2 *ли*, только с востока, запада и юга имеется трое ворот. С северной стороны расположена канцелярия *цзянцзюня*, поэтому ворот не сделали. В середине цитадели расположен плац для *цзянцзюня*, телохранителей и солдат, охраняющих ворота. Я ознакомился со строениями снаружи. Крепость имеет в окружности 8 *ли*. Всего 4 ворот – южные выходят к реке. Китайцы живут снаружи у западных и восточных ворот. Моя семья жила в крытом соломой доме из нескольких комнат за Восточными воротами...» [8, с. 103].

Заключение

Безусловно, в короткой статье нельзя дать исчерпывающий анализ административной системы земель Нингуты и вассальных от империи Цин княжеств в Приамурье. Подробное изучение данной темы должно стать одним из важных направлений в изучении истории региона. К тому же состояние изученности вопроса в настоящий момент оставляет желать лучшего. Для плодотворного исследования темы следует продолжать вводить в научный оборот новые источники и шире привлекать существующие переводы, продолжать поиски в архивах не только Китая и России, но и Кореи.

Многообещающим направлением кажутся приоритетные исследования структуры управления местных *ниру* и населения, не входивших в систему Восьми Знамен, но являвшихся подданными империи Цин; функций конкретных чиновников; состояния вооруженных сил империи в регионе. Безусловно полезным представляется исследование биографий деятелей региональной истории – Шарходы, Хайсэ, Убахай-батуру и прочих известных чиновников и полководцев.

Всеобъемлющее и беспристрастное исследование данного вопроса не только прольет свет на реальное положение дел в регионе перед началом проникновения русских землепроходцев в Приамурье, но и поможет правильнее оценить деятельность царской администрации в Якутске и казачьих атаманов на Амуре, а также даст ключ к пониманию сути русско-цинского конфликта 1649–1689 гг.

Примечания

¹ Племена *воцзи* и *хурха* часто смешиваются в цинских источниках – так, роды *кэикэлэ* и *хусихали* племени *хурха*, проживавшие в районе крепости Илань-хала в устье р. Хурха-бира, именуются также принадлежащими к племени *воцзи*. По всей видимости, имеет место двойное наименование этих племен – общее (*воцзи* = лесные) и частное (*хурха* – по месту проживания).

² О значении термина *гуйшунь* (歸順) см. [13, с. 42–43].

³ Знакомство народов тунгусо-маньчжурской языковой группы с буддизмом подтверждается фактом сооружения на мысе Тыр буддийской пагоды в честь бодхисатвы Гуаньинь в ходе экспедиции минского чиновника Ишиха в 1413 г. По свидетельству казаков отряда Онуфрия Степанова, эта пагода сохранялась еще в 1650-х годах (см. [12, с. 12]). Соответственно наличие у местных *чжурчженьских* князей имен буддийского происхождения не является чем-то невозможным.

⁴ Маньчжурский титул *мэйрэн-чжаньгинь* (梅勒章京) соответствует китайскому титулу *фу дутун* (副都統).

⁵ Первый поход Убахай-батуру на племя *учжала* состоялся в 1633 г.

⁶ О сущности системы *цзими* в период Хань (漢, 206 до н.э. – 220 н.э.) см. [6, с. 206–249].

⁷ Отождествление Хайсэ с князем Исинеем русских источников затруднительно, т.к. Хабаров упоминает, что князь Исиней возглавлял цинский отряд у стен Ачанского острога, а по цинским источникам войсками командовал *ниру-чжаньгинь* Сифу. Тем не менее Кабышейка четко указывает, что главой администрации Нингугты являлся князь Исиней. Вполне возможно, что в данном случае мы имеем дело с неточным использованием Кабышейкой маньчжурского слова *эдзэн* (額眞), т.е. «владыка, князь».

⁸ Опубликованный в 1969 г. документ, содержащий описание боя у Ачанского острога и расспросные речи Кабышейки, является копией, снятой в XVIII в.

⁹ Скорее всего, Кабышейка не очень хорошо знал маньчжурские реалии, т.к. цинский наместник в Мукдене имел титул не *ухэри-да*, а более высокий титул *амбань-чжаньгинь*.

¹⁰ Отождествление города Надымны, в котором размещалась ставка «богдойского царя посаженника Учурды», с Мукденом основывается исключительно на основе сведений «Шэнцзин тунчжи» о подчинении в данный период нингунтинского *мэйрэн-чжаньгиня амбань-чжаньгиню* Мукдена.

¹¹ Это также подтверждается сведениями из биографии Шарходы, помещенной в «Цин ши гао»: «Девятый год [Тяньцунь] (1634). Совместно с Бацци, Чжао Хэ, *цзянлином* (将领?) Баланьци и другими [Шархода] объезжал Хэйлуңцзян».

¹² Поскольку при работе над «Цин ши гао» Чжао Эрсюнь активно использовал данные более ранних источников, возможно, существуют сочинения или документы, в которых более подробно рассказывается о деятельности Шарходы в Нингугте.

¹³ По данным Гиринского университета, это произошло 4 июня 1653 г.

¹⁴ Относительно этого же события у Ян Биня в «Любянь цзилюэ» говорится следующее: «Устроили верфи (船廠), и в 18-й год Шуньчжи (1661) *амбань-джангин* Саэрудай (薩兒吳代 – вариант написания имени Шархода), построив корабли, выступил из этого места (Гирин. – *А.П.*) в карательный поход (征) на русских *россиян*». Датировка совершенно неверна – Шархода умер в феврале 1659 г., и уже в 1660 г. военные действия на Амуре вел его сын Бахай, унаследовавший должность отца. Ошибочная датировка Ян Биня послужила основой для неверного определения даты основания Гириня Г.В. Мелиховым. Согласно Син Нью, верфи, где построили боевые корабли для войска Шарходы, заложили еще в середине 1657 г.

¹⁵ *Фуго* 俘馘 – архаичное выражение «брать в плен и отрезать у пленных левое ухо». Возможно, использовано в качестве речевого штампа – из записок Син Нью факт отрезания ушей у пленных казаков не подтверждается.

¹⁶ По некоторым данным, Шархода умер 3 февраля 1659 г.

¹⁷ Букв. «Помогающий и Сильный».

¹⁸ Данное утверждение входит в противоречие с нашим предположением о создании системы *ниру* в землях Нингуты до 1653 г., но в таком случае, оно противоречит и сообщению цинских документов о деятельности и наказании *ниру-чжаньгиня* Сифу.

¹⁹ По данным Большого китайско-русского словаря (БКРС, т. 4, с. 123, № 11187), *тунгуань* означает «1) чиновник, ведающий общими делами (общим производством); 2) переводчик, драгоман».

²⁰ Вполне возможно, что под этим названием фигурирует или Нигэли, или Хайта.

²¹ Имеются в виду *мэйрэн-чжаньгини* Хайта и Нихали. Корейская запись имен маньчжуров отличается от принятой в Китае, т.к. при использовании иероглифов для фонетической записи иноязычных слов корейцы ориентируются на корейское звучание иероглифов.

²² По данным БКРС (т. 2, с. 70, № 159), *чайгуань* означает «командированный чин (чиновник)».

²³ С 1653 г. Шархода не подчинялся Мукдену, что вызывало острое соперничество между мукденскими и нингутинскими чиновниками и офицерами.

²⁴ Возможно, что *тунгуани* сами не были специалистами в различных отраслях деятельности, но являлись профессиональными администраторами, призванными организовать работу в соответствии с полученным заданием.

²⁵ Ведомственная организация в землях Маньчжурии на тот момент сохранялась только в Мукдене, но и там Военное ведомство было временно упразднено.

²⁶ Помимо сведений, доставленных в Якутск В.Д. Поярковым, на вассальную зависимость приамурских княжеств от империи Цин до момента вторжения отряда Хабарова указывают данные расспросных речей захваченных Хабаровым пленных (см. [7, с. 112]).

²⁷ По данным Ян Биня, в Нингуте было 350 солдат гарнизона (см. [10]).

²⁸ Имена даются по дневнику Син Нью – в написании китайскими иероглифами, использованными в корейском чтении для фонетической передачи звучания маньчжурских имен и названий.

²⁹ Гарнизон Нингуты к началу 1680-х годов состоял всего из 350 солдат (см. [20, с. 51]).

Источники и литература

1. Дополнения к Актам Историческим, т. II–VII, X, СПб., 1848–1857.
2. Колумбы земли Русской. Хабаровск, 1989.
3. Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. Т. 2. Владивосток, 1995.
4. Русско-китайские отношения. Т. 1. 1608–1683. М., 1969.
5. *Син Нью*. Пукчоннок (Записки о карательном походе на Север). Сеул, 1980.

6. Страны и народы Востока. Вып. XXXII. М., 2005.
7. Сын Отечества. СПб., 1840, кн. 1.
8. У Наньжун 吳南榮. Нингута цзилюэ 寧古塔記略 (Краткие записи о Нингуге). [Б.м, б.г.].
9. Чжао Эрсюнь 趙爾巽. Цин ши гао 清史稿 (Очерки истории [династии] Цин). Пекин, 1927.
10. Ян Бинь 楊賓. Любянь цзилюэ 柳邊記略 (Краткие записи об Ивовой границе). [Б.м, б.г.].
11. Внешняя политика государства Цин в XVII веке. М., 1977.
12. Ларичев В. Путешествие в страну восточных иноземцев. Новосибирск, 1973.
13. Мартынов А.С. Статус Тибета в XVII–XVIII веках. М., 1978.
14. Мелихов Г.В. К истории проникновения маньчжуров в бассейн верхнего Амура в 80-х годах XVII века // Маньчжурское владычество в Китае. М., 1966.
15. Мелихов Г.В. Маньчжуры на Северо-Востоке (XVII в.). М., 1974.
16. Мелихов Г.В. О северной границе вотчинных владений маньчжурских (цинских) феодалов в период завоевания ими Китая (40–80-е годы XVII века) // Документы опровергают. М., 1982.
17. Мелихов Г.В. Политика Минской империи в отношении чжурчженей (1402–1413) // Китай и соседи. М., 1970.
18. Мясников В.С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. М., 1980.
19. Скрынникова Т.Д. Ламаистская церковь и государство. Внешняя Монголия XVI – начало XX века. Новосибирск, 1988.
20. Щербеньков В.Г. Русско-китайские отношения в XVII веке. М., 1960.